

О стихотворении Х. Ботева «К моей первой любви» и его переводах

Одно из самых замечательных стихотворений Х. Ботева — «К моей первой любви» (1871 г.) — отличают сильные чувства, глубокая взволнованность. Тема борьбы за освобождение родины переплетается в нем с темой необходимости личных жертв, если личное мешает борьбе. Поэт посвящает свою жизнь борьбе за счастье родины, призывает близких понять и поддержать его. Он обращается к любимой с просьбой оставить любовную песню. Это приводит некоторых исследователей к выводу, будто поэт полностью отрицает любовь во имя революционной борьбы. Например, К. Н. Державин утверждает, что «мотив забвения любви во имя революционной службы был нередок в русской литературе. Идее ботевского стихотворения, как не раз указывали его комментаторы, отвечает строфа К. Ф. Рылеева:

Мне не любовь теперь нужна,
Занятя нужны мне иные,
Отраднa мне одна война,
Одни тревоги боевые.

Любовь никак нейдет на ум.
Увы! Моя отчизна страждет,
Душа в волненьи тяжких дум
Теперь одной свободы жаждет!

Разрабатывая аналогичную тему, Ботев уподобляется своему любимому герою — Рахметову, который говорил: «Я должен растоптать в самом себе любовь; привязанность к вам связала бы мне руки, я не должен любить». Из всего этого К. Н. Державин делает неожиданный вывод: «Отсюда — мольба к девушке, «первой любви», услышать «плач бедняков» [5, с. 192]. Если все это так, то зачем поэту понадобилось обращаться к девушке с мольбой? Не проще ли было бы, отказываясь от любви, посвятить этой теме короткое стихотворение с решительным «нет»? Но поэт пишет довольно большое стихотворение (девять шестистиший) и в семи строфах постоянно обращается к любимой. Он призывает ее прислушаться к страданиям народа, поднять голос протеста, запеть песню борьбы:

Запей и ти песен такава,
запей ми, девойко, на жалост,
запей как брат брата продава,

как гинат сили и младост,
как плаче сирота вдовица
и как теглят без дом дечипа!

Болгарский поэт «ценность личности измеряет ее реакцией на протест против несправедливости и зла» [7, с. 210]. У него нет скидки даже для любимого человека. Ботев резко разоблачает людей, которые отворачиваются от народных страданий, гневно клеймит их в поэзии и публицистике. В анализируемом стихотворении поэт отрицает мещанскую любовь, ограниченную узким теплым мирком. Для него любовь — сильное и здоровое чувство. Здесь Ботев раскрывает свой идеал любимой — това-

рища и союзника, который разделял бы его взгляды и был бы опорой в борьбе. В решении этой темы Ботев идет дальше Рылеева. Очевидно, справедливо мнение болгарских ученых Г. Бакалова, М. Димитрова, И. Хаджова [8, с. 208], исключающих влияние рылеевского стихотворения на Бстева. Не столь велико, однако, и воздействие образа Рахметова из романа Н. Г. Чернышевского «Что делать?». Поэт не заявляет категорически, как Рахметов: «Я не должен любить». Напротив, в седьмой строфе он последний раз обращается к девушке:

Залой или смолкни — исчезни!
сердце мое трепещет — оно умчится,
умчится, дорогая, — очнись! —
туда, где земля гремит и грохочет...
(подстрочник. — В. Л.)

Вероятно, решая тему любви, Ботев ориентируется на устное народное творчество, особенно на юнацкие и гайдуцкие песни. «В юнацких песнях очень хорошо видно, что герой ищет невесту, эти поиски сопряжены с трудностями, так как он должен найти себе «прилику», то есть пару, подходящую, соответствующую ему девушку.» [6, с. 126—127]. В болгарской народной поэзии встречаются и песни, посвященные женщинам-гайдукам, которые боролись против турецкого ига. «В этих народных песнях говорится, что, когда было нужно защитить жизнь своих близких и свою честь, болгарка не колеблясь бросала прялку и, взяв саблю, уходила в лес с мужчинами, как мужчина, и даже больше — как их воевода» [9, с. 13]. Мотив верной, подвижнической любви известен и в русской литературе, которую Ботев хорошо знал. В этом отношении можно указать на образы Веры Павловны («Что делать?» Н. Г. Чернышевского) и Елены Стаховой («Накануне» И. С. Тургенева). Ярким примером были жены декабристов. Либо полное взаимопонимание, либо отказ от любви — так ставит вопрос болгарский поэт. Идеал такой любви выражен Ботевым и в стихотворении «Беглянка»: девушка убегает из дома к любимому-гайдуку. Это еще одно подтверждение справедливости нашей мысли.

Если мы обратимся к переводам стихотворения «К моей первой любви», то увидим, что правильно поняли и передали его основную мысль украинские переводчики В. Сосюра (1934 г.) и особенно П. Тычина (1948 г.). В целом верно переводя стихотворение, несколько ослабила звучание главной его темы — темы любви — М. Павлова (1948 г.). Так, в шестой строфе призыв к девушке («Запой и ты песню такую...») переводчица сводит к обыденной просьбе:

Запей и ти песен такава,
Запей ми, девойко, на жалост.
[1, с. 20]

Спой же, девушка, песню такую,
спой мне жалобно и уныло...
[4, с. 28]

Правда, здесь М. Павлова сохранила анафору, которой выражена настойчивость просьбы, однако неудачно ввела наречие

«уныло». Поэт призывает запеть так, чтобы вызвать сострадание к угнетенным и привлечь на свою сторону новых борцов. В переводе же невольно создается впечатление уныния и безразличия.

Анализ названных переводов показывает, что в каждом из них отразился индивидуальный почерк переводчика. Все трое свободно обращаются с оригиналом. Ботевский девятистопник передал только В. Сосюра, а М. Павлова и П. Тычина не придерживаются равного количества слогов в стихе, что нарушает интонационное движение. Особенно заметно это в русском переводе — стихи звучат не твердо и энергично, а лирично, подчас сбивчиво. Уже в начале стихотворения Ботев решителен:

Оставь эту песню любовную...

М. Павлова в своем переводе заставляет его умолять:

Ты любовную песню не пой мне...

Категоричность автора смягчает и В. Сосюра: «Ти пісню забудь, що чарує...» Рассмотрим вторую и третью строфы:

Забрави туй време, га плачех
за поглед мил и за въздишка:
роб бях тогаз — вериги влачех
та за една твоя усмивка
безумен аз светът презирах
и чувства си в калта увирах!

Хвилини ті треба забути,
коли я в сльозах за тобою
ходив, наче раб той закутий,
усмішки благав я з журбою
й тобі в сивий порох дороги
чуття свое кидав під ноги.

Забрави ти онез полууди,
в тез гърди веч любовь не греє
и не можеш я ти събуди
там, де скърб дълбока владее,
де всичко е с рани покрито
и сърце зло в злоба обвито!

Забудь божевілля-кохання,
його мое серце не чує,
його там нема, де страждання
з ненавиддю днює й ночеує,
лютує неправда там п'яна,
й глибока не гоїться рана

[1, с. 19]

[4, с. 27]

Ботев настойчив, требователен, что подчеркивается строфической анафорой. Этого нет у В. Сосюры. Свойственная его лирике нежность переносится и в перевод. Почти молитвенное обращение («усмішки благав...») перенимается и даже усиливается М. Павловой:

Позабудь, как страдал, просил я
Об улыбке, хотя бы единой,
Был рабом — вериги влачил я...

[4, с. 27]

Лирический герой стихотворения не проявляет нежности, акцентирование на его чувство неуместно. Особенно досадна архаизация («вериги влачил»). Здесь подвели так называемые ложные друзья переводчика, поскольку М. Павлова сохранила слова оригинала («вериги влачех»), не учтя разницы между русским и болгарским значением этих слов. Если в болгарском языке они современны, то в русском давно устарели. Кстати, оплошность со словом «вериги» допустил и П. Тычина. Удачно

избежал ошибки В. Сосюра («...наче раб той закутий...»). В третьей строфе, выражая свой гнев прогив произвола, болгарский поэт пользуется средствами звукописи: «...и сърце зло в злоба обвито!». Эта строка удалась М. Павловой: «злое сердце злобой обвито». Близок к ее передаче и П. Тычина: «А сердце злобою повито».

С помощью анафоры в четвертой строфе Ботев передает настоятельный вопрос, обращенный к героине:

.. но чуйш ли как пее гората? Чуйш ли как плачат сиромаси?	(...но слышишь ли как поет лес? Слышишь ли как плачут бедняки?)
---	--

Великий народные страдания, но растет и возмущение против произвола. «Поет лес» — это образ, несущий в себе неукротимость гайдуцкого движения. Его, к сожалению, не понял В. Сосюра:

...послухай. не цю, лісовую,
де плаче біднота по хатах,
там рідную пісню я чую...

Неудачен он и у М. Павловой:

...ты слыхала ль лесное пенье?
Ну, а плач бедняков ты слышишь?

«Лесное пенье» (у В. Сосюры — «лісовую») становится просто пейзажной зарисовкой. Под влиянием глагола прошедшего времени «слыхала» в переводе М. Павловой исчезает и мысль автора о непрекращающейся борьбе за свободу родины. Введение разговорного «ну, а ...» смягчает настойчивость, требовательность, с которыми лирический герой обращается к любимой. Дух оригинала точно передает лишь П. Тычина:

Та чи чуеш ти бурю діброви?
Чи чуеш, як тужить мати,
Як сироти плачуть і вдови?
[З, с. 13]

Удачно введен переводчиком образ матери, заменяющий плач бедняков. С его помощью Тычина передает страдания родины поэта. Образ бури, в целом удачный, позаимствован П. Тычиной из пятой строфы оригинала:

Забудь же пристрасть отруйну,
Прислухайсь, як стогне діброва,
Відчуй ти природу буйну.

В пятой и шестой строфах Ботев добивается анафорой нагнетания действий и чувств. Так он достигает более осязательно-го восприятия стихов, сопереживания с автором:

О, махни тез думи стровни!
Чуй как стене гора и шума,
чуй как ечат бури вековни,
как нареждат дума по дума
приказки за стари времена
и песни за нови теглила!

Запей и ти песен такава,
запей ми, девойко, на жалост,
запей как брат брата продава,
как гинат сили и младост,
как плаче сирогоа вдовица
и как теглят без дом дечица!

Поэт говорит о бурях национально-освободительного движения: «слушай, как грохочут **бури века**». Как мы видели, у П. Тычины утерян этот образ. Слабо передан он и в русском переводе:

О, оставь этих слов отраву,
послушай, как грозы суровы,
как стонут леса и дубравы...

Удачно воссоздал образ Х. Ботева В. Сосюра:

Кинь пристрасть-отруту, послухай,
як ліс завиває суворо,
як буря гуде, наче море,
і в бурі зростають тій згуки
й слова про минуле народне,
про чорне прокляте сьогодні.

Не трудно заметить, что М. Павлова заимствовала у В. Сосюры прилагательное «суровы», а П. Тычина — слова «пристрасть отруйну». Но в тексты их переводов они входят органично, ничего не нарушая.

Последние три строфы оригинала особенно эмоциональны. В них достигает предельного накала выражение чувств и действия. Стихотворение оканчивается неожиданно, на взлете, подчеркивая авторскую мысль. В заключительных строфах поэт прославляет (но не прэтизирует) героическую смерть. Он последний раз предлагает любимой запеть песню борьбы или смолкнуть, исчезнуть. Его сердце вот-вот полетит в самое пекло сражений. Мы словно видим его порыв, он подчеркнут лексической акромонаграммой:

Запей или млъкни — махни се!
Сърце ми веч трепти — ще хврѣкне,
ще хврѣкне. изгоро — свести се!..

Запой или смолкни — исчезни!
Серце мое трепещет — оно умчится,
умчится, дорогая, — очнись!..

Этого не смогли передать ни русский переводчик, ни В. Сосюра. Акромонаграмма в их переводах исчезает, не находя себе замены. Только у П. Тычины явственно ощущим порыв:

Тремтить мое сердце... хвилина —
Й воно полетить на крилах
Туди, де гримить долина...

У Ботева глагол «зинали» (разверзлись) указывает на внезапность. Читатель видит, как битва накаляется, достигает апогея и внезапно:

...зинали са страшни долове
и пици в тях зърно от свинец...

(...разверзлись страшные доли
и свистит в них зерно из свинца...)

Так поэт рисует желанный образ революции. Говоря в этой же строфе о смерти, Ботев утверждает, что она не приходит, а присутствует в сражении постоянно, и могила — «сладкий» покой:

...и смъртта й там мила усмивка,
а хладен гроб — сладка почивка!

(...смерть там — милая улыбка,
холодная могила — сладкий покой!)

Не совсем точно передана эта картина у М. Павловой. При чем, прилагательное «сладчайший» делает смерть самоцелью:

Там... буря ветви ломает,
а сабля свивает венцом их,
там оврагов пасти зияют,

песне зерен внимая свинцовых,
смерть приходит — улыбкою милой,
а сладчайшим покоем — могила.

В украинских переводах воссоздана жестокость и стремительность освободительной битвы. В этой строфе П. Тычина оставил без внимания метафору «зърно от свинец» (зерно из свинца):

Там буря віти ламає,
Іх сабля січе наостанку,
Страшна там безодня зіхає,
Свистять кулі з вечора й до ранку.
А смерть і там — як усмішка мила,
Спочинком солодким — холодна могила.

Ранее подобным образом поступил и В. Сосюра.

Как видно из проведенного анализа, все три перевода дополняют друг друга. Каждый переводчик по-своему понимает и воспроизводит оригинал. Однако непонимание отдельных образов приводило иногда к искажению их в переводах, хотя переводчики и стремились к наиболее полной передаче идеи произведения. Большого успеха в этом добиваются В. Сосюра и П. Тычина. Перевод же М. Павловой слаб в силу указанных ошибок. Отсюда — и необходимость создания нового русского перевода стихотворения.

Л и т е р а т у р а

1. Ботев Х. Избрани произведения. София, «Български писател», 1969.
2. Ботев Х. Поезії. Харків—Київ, «Література і мистецтво», 1934.
3. Ботев Х. Вибране. К., Держлітвидав, 1954.
4. Ботев Х. Избранное. М., ГИХЛ, 1963.
5. Державин К. Н. Христо Ботев. М., Изд-во АН СССР, 1962.
6. Путилов Б. Н. Русский и южнославянский героический эпос. М., «Наука», 1971.
7. Таринска С. Злобният смях на поэта. — «Септември», 1971, № 11.
8. Унджиева Ц. Песен за любовта и революцията. — «Септември», 1972 № 1.
9. Хайтов Н. Хайдуті. София, «Народна младеж», 1974.

Черновицкий краеведческий музей.